

ВТОРОЙ ЛИСТЪ ГАЗЕТЫ
ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

№ 4976.

Воскресенье, 4-го іюня 1900 г.

№ 4976

**Ливагорова
теорема.**

Эрико Кастильнуово

— Теорема Пиагора! — полупасмѣшливо заявилъ профессоръ Ровени, разворачивая билетикъ, который нерѣшительно вытаскивалъ изъ урны, стоявшей на каюдрѣ. Потомъ онъ что-то шепнулъ на ухо правительственному комиссару, сидѣвшему рядомъ съ нимъ, и показалъ ему билетикъ. Наконецъ, онъ передалъ этотъ доскутокъ бумаги мнѣ, чтобы я могъ собственными глазами прочесть заглавіе.

— Пожалуйте къ доскѣ, — сказалъ профессоръ, потирая руки.

Ученикъ, экзаменовавшійся передо мною и отдѣлавшійся благополучно, вышелъ на ципочкахъ, и черезъ открытую дверь въ актовій залъ ворвалась длинная полоса свѣта. Въ этой полосѣ, которая дрожала на полу и на потолокъ, я могъ различить свою тѣнь.

Дверь закрылась, и комната опять погрузилась въ полумракъ. Надо сказать, той день былъ знойный, и чиния прозрачныя шторы недостаточно защищали отъ палящихъ лучей солнца, такъ что пришлось закрыть ставни. Скучный свѣтъ, проникавшій въ комнату, сосредоточивался на каюдрѣ и на доскѣ. Но и этого было достаточно, чтобы озарить мое неминуемое поражение.

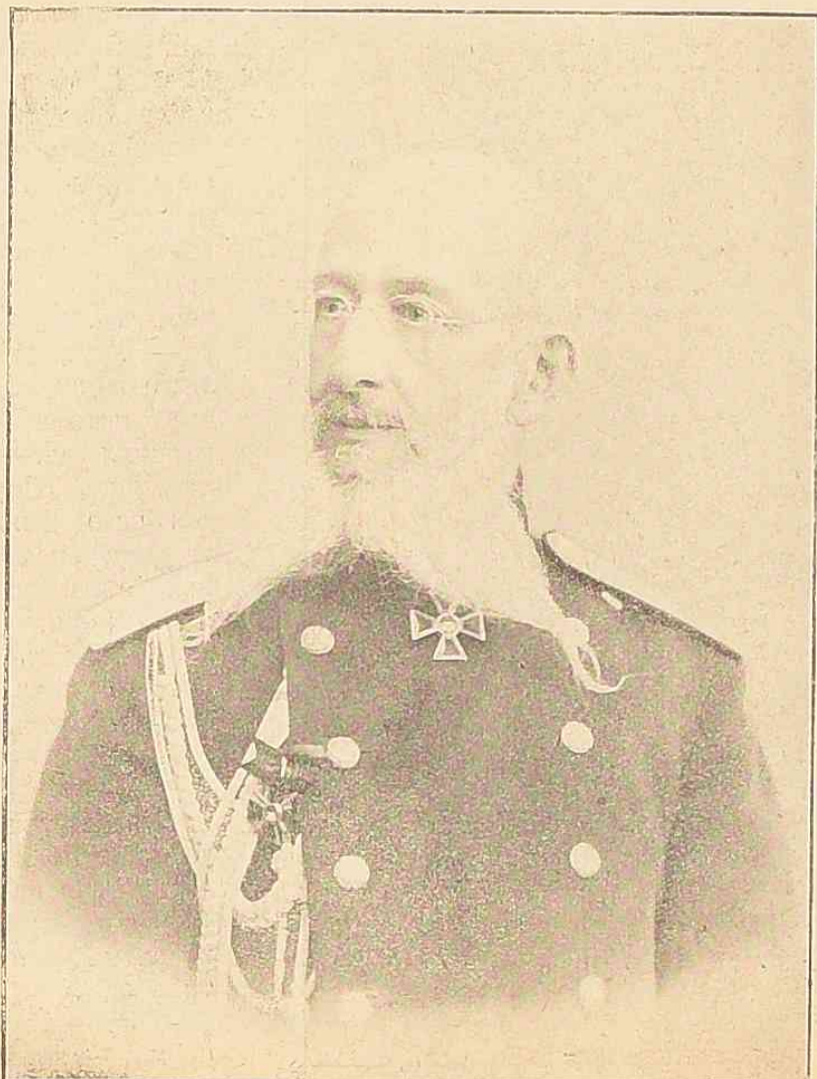
— Пожалуйте къ доскѣ и начертите фигуру, — повторилъ профессоръ Ровени, отъ котораго не укрылось

Статуя Императора Александра III

для памятника на Знаменской площади въ Спб.

(Модель скульптора кн. Трубенцова).

мое замѣшательство.

Изъ всей теоремы я только узналъ, какъ чертить фигуру, а потому, вооружившись мѣлкомъ, принялся за дѣло. Я не торопился: чѣмъ дольше затянется чертёжъ, тѣмъ меньше времени останется для устного отвѣта.

Но профессоръ былъ не такой чловѣкъ, котораго можно было поддѣть на эту невинную хитрость.

— Поторопитесь, — сказалъ онъ, — вѣдь вамъ, кажется, не картину рисовать.

Пришлось закончить.

— Поставьте буквы... скорѣе, вѣдь, это не урокъ чистописанія. Зачѣмъ вы стираете G?

— Чтобы не смѣшать съ С, которое я поставилъ раньше. Я его замѣню буквой H.

— Какая точность! — замѣтилъ Ровени съ своей обычной ироніей. — Вы уже кончили?

— Да, — отвѣтилъ я и прибавилъ про-себя: — къ сожалѣнію.

— Ну, что же вы заснули! Излагайте теорему.

Вотъ гдѣ начались мои мученія! Даже самая формула выскочила у меня изъ головы.

— Въ треугольникъ... — робко началъ я.

— Дальше!

Я ободрился и сказалъ все, что зналъ!

— Во всякомъ треугольничкѣ?

— Нѣтъ, нѣтъ, — по добротѣ подсказалъ кто-то зади.

— Нѣтъ, отвѣтилъ я.

— Объясните, въ какомъ треугольничкѣ?

— Въ прямоугольномъ, — шепнулъ тотъ-же голосъ.

— Въ прямоугольномъ, — повторилъ я, какъ попугай.

— Тихе тамъ! — крикнулъ профессоръ.

Потомъ онъ продолжалъ, обращаясь ко мнѣ:

— Итакъ, по вашему этотъ большой квадратъ равенъ каждому изъ маленькихъ?

Выходила нелѣпость. По меня вдругъ осябло вдохновеніе:

— Нѣтъ, обоимъ вмѣстѣ.

— Слѣдовательно, суммѣ, такъ и говорите: суммѣ квадратовъ. Теперь доказывайте.

Несмотря на страшную жару, у меня выступилъ холодный потъ на лбу. Я безмысленно поглядывалъ на прямоугольный треугольникъ съ его придатками, перекладывалъ мѣлъ изъ одной руки въ другую и молчалъ по той простой причинѣ, что мнѣ нечего было сказать.

Подказыванье прекратилось.

Въ залѣ слышно было, какъ пролетала муха. Профессоръ Ровени въ упоръ смотрѣлъ на меня своими сѣрыми глазками, въ которыхъ свѣтилась злобная радость. Правительственный комиссаръ что-то отмѣчалъ на своемъ листкѣ. Вдругъ этотъ почтенный господинъ кашлянулъ; тогда профессоръ Ровени сказалъ необыкновенно вкрадчивымъ голосомъ:

— Что же дальше?

Я не отвѣчалъ.

Вмѣсто того, чтобы отправить меня по добру по здоровью, профессоръ игралъ со мною, какъ кошка съ мышью.

— Вы, можетъ быть, придумываете новое доказательство? — сказалъ онъ:

Наши беллетристы.

— Я не отрицаю возможности различных новых доказательств, мы злись удовлетворены и одним из старших. Ну? Вы не помните, что нужно продолжить стороны DE и ME до их пересечения? Так! Смѣльте!

И машинально съдвигая указатель. Фигура разрасталась и подавляла меня своим видом.

— Поставьте на точкѣ пересечения какую-нибудь букву, напр. N. Такъ. А теперь?

И молчалъ. — Не находите ли вы нужным опустить перпендикуляр изъ N на основание квадрата B H J C?

Я ничего не находилъ нужнымъ по тѣмъ не менѣе повиновался.

— А потомъ также нужно будетъ продолжить стороны B H и J C?

Уф! я больше не могъ выдержать! — Отсюда уже двухлѣтній ребенокъ можетъ сдѣлать выводъ, — замѣтилъ профессоръ. — Вы ничего не имѣете сказать относительно треугольниковъ: B A C и N A P?

Молчаю и только затягивалъ свою пипку и потому рѣшился отвѣтить:

— Нѣтъ.

— Другими словами, вы ничего не знаете?

— Мнѣ кажется, что вы давно могли это замѣтить, — сказала я съ хладнокровіемъ, достойнымъ Сократа.

— Хорошо, прекрасно! Вотъ какой тонъ вы принимаете! Вы, вѣроятно, тоже не знаете, что Пиагорова теорема называется ослинымъ мостомъ, потому что только ослы не могутъ черезъ него перейти. Ступайте. Разумѣется, вы порѣзались. Это отучитъ васъ читать за мной урокомъ Донъ-Кихота или рисовать карикатуры.

Правительственный комиссаръ понохалъ табуку. Я положилъ мѣлъ и тряпку и величественно вышелъ изъ зала, сопровождаемый подавленными смѣшками моихъ одноклассниковъ.

Три или четыре ученика, которые сдали экзаменъ немногимъ лучше моего, ждали меня за дверью.

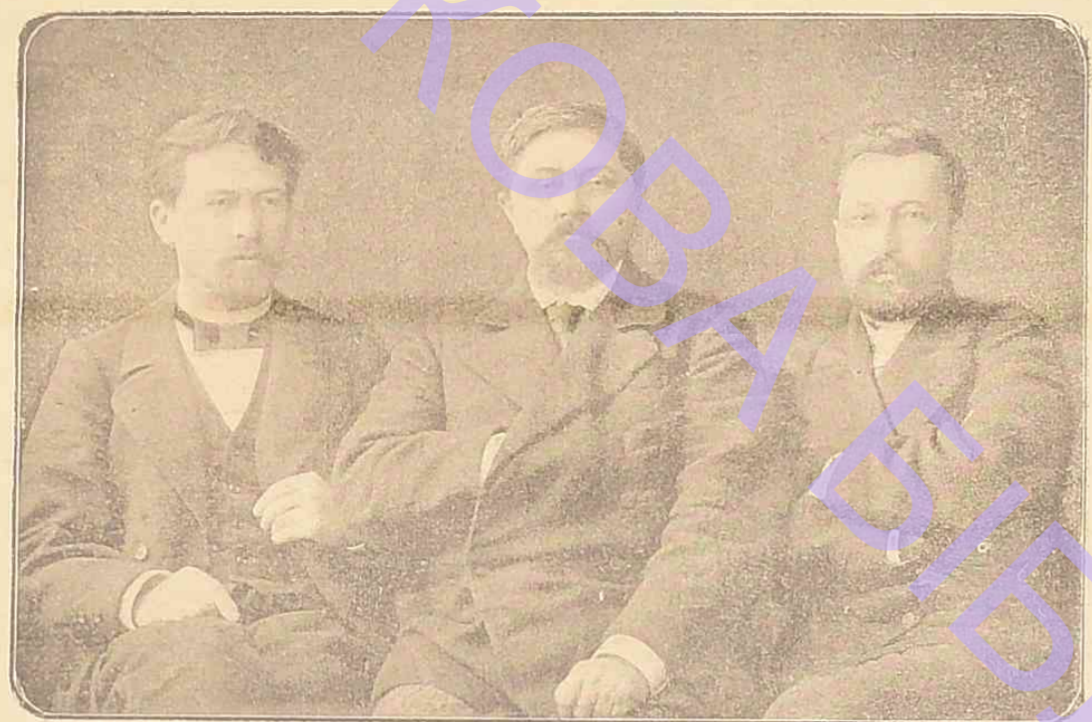
— Проваль? — отвѣтилъ я съ напускной гордостью и добавилъ: — я всегда говорилъ, что математика дается только тупицамъ.

— Разумѣется! — воскликнулъ одинъ изъ моихъ товарищей по несчастью.

— А какой билетъ тебѣ попался? — спросилъ другой.

— Пиагорова теорема. Ну, что мнѣ за дѣло до того, равенъ ли квадратъ гипотенузы суммѣ квадратовъ катетовъ или нѣтъ?

— Ни тебѣ, ни мнѣ и никому на свѣтѣ не можетъ быть дѣла до этого, — воскликнулъ третій съ нахальствомъ четырнадцатилѣтняго неуча. — Если теорема справедлива, то зачѣмъ намъ ее твердить, а если нѣтъ, то зачѣмъ къ намъ пристаютъ?

А. П. Чеховъ. Д. А. Маминъ Сибирякъ. И. Н. Потопенко.

— Повѣрьте, господа, — резюмировала я съ видомъ опытнаго человѣка, — повѣрьте, что вся система преподаванія неправильна, и пока у насъ будутъ господствовать немцы, толку все равно не выйдетъ.

Убѣдивъ себя въ томъ, что нашъ провалъ былъ протестомъ противъ чужеземнаго владычества и доказательствомъ нашего яркаго и оригинальнаго ума, мы разошлись по домамъ, гдѣ по крайней мѣрѣ, у меня первый пилъ значительно остылъ.

Этотъ позорный экзаменъ имѣлъ большое вліяніе на мою дальнейшую судьбу. Такъ какъ я, очевидно, не справлялся съ математикой, а домашнія условия не позволяли мнѣ дальше оставаться въ гимназій, то родители порѣшили, чтобы я ограничился пройденнымъ курсомъ. Я долженъ былъ вступить въ практическую жизнь и зарабатывать себѣ что-нибудь.

Это былъ самый разумный выходъ, и я не имѣлъ права протестовать, тѣмъ не менѣе я былъ глубоко огорченъ. Мое отвращеніе къ математикѣ не простиралось на другіе предметы, въ которыхъ я даже успѣвалъ, и потомъ я любилъ гимназію. Я любилъ яркіе классы, въ которыхъ мы, мальчишки, водили оживленныя и веселыя парты, избавившія насъ отъ перочинныхъ ножей, любилъ даже доску, которая сдѣлалась свидѣтельницей моего постыднаго пораженія.

Я злился на Пиагорову теорему. Попался мнѣ другой вопросъ, я, можетъ быть, намелся-бы, что сказать, и выкрутился-бы, какъ и въ прежніе годы. А она сразила. Она мнѣ сказала всею почу. Я видѣлъ чудовищный треугольникъ съ квадратными придатками, сплетеніе линий и массу прописанныхъ буквъ, а въ головѣ моей, какъ молотомъ, отдавалось: $BAC = NAF; RNAB = DEAB$.

Еще долго я не могъ освободиться отъ этого кошмара, еще долго Пиагоръ со своими тремя квадратами не выходилъ у меня изъ головы. Подъ конецъ, однако время, которое своей губкой стираетъ изъ памяти много вещей, изгладило и это воспоминаніе. Но на дѣлѣхъ, перелистывая тетрадку своего сына, я совершенно неожиданно встрѣтилъ знакомый чертѣкъ.

— Такъ это проклятіе передается и моему потомству! — воскликнулъ я. — Бѣдный мальчикъ! Неужели и для него Пиагорова теорема окажется такой-же роковой, какъ и для меня.

Я рѣшилъ поговорить съ мамъ, когда онъ возвратится изъ гимназіи. — Итакъ, по геометріи вы уже дошли до теоремы Пиагора? — серьезно началъ я. — Да, папочка, — неприужденно отвѣтилъ онъ. — Это — трудная теорема, — замѣтилъ я, качая головой.

Къ предстоящимъ гастролямъ труппы Императорскаго Малаго театра въ Москвѣ.

А. А. Яблочкина.

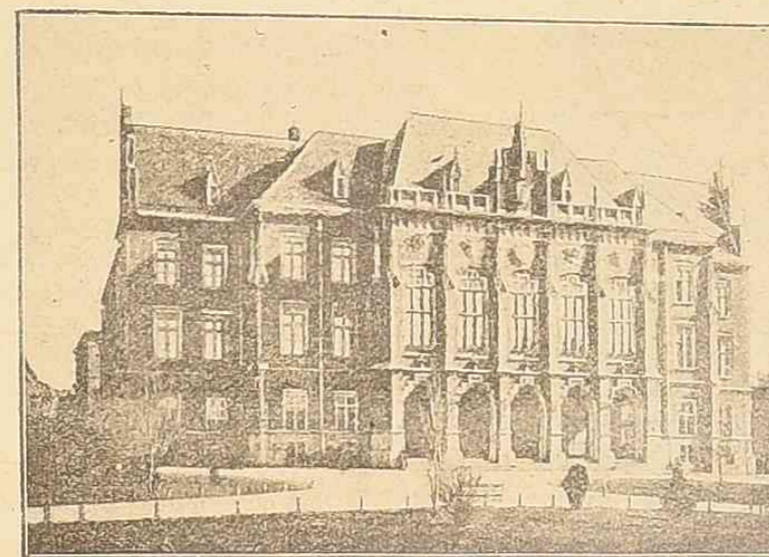
А. И. Южнѣй.

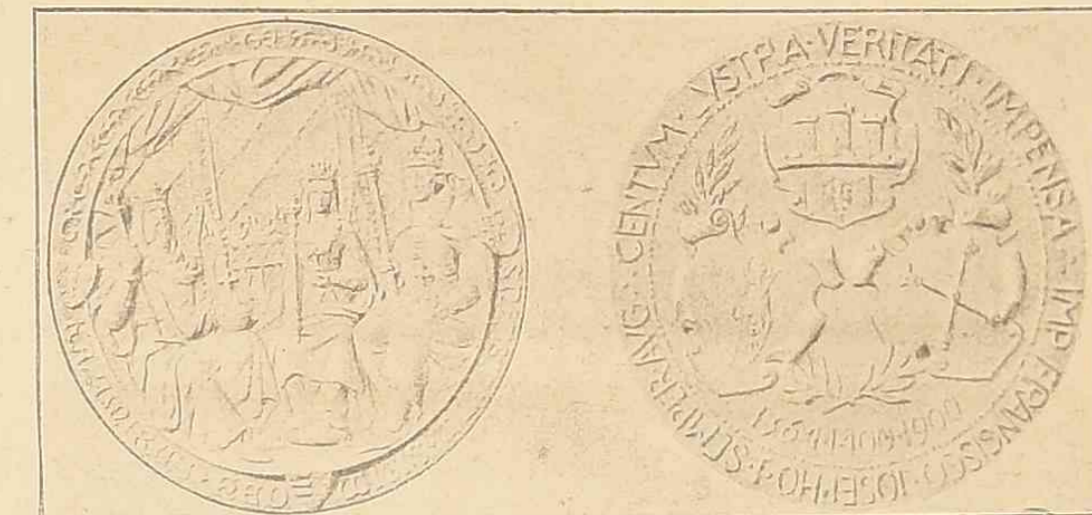
Н. Ф. Макшевъ.

К. Н. Рыбаковъ.

Зданіе университета въ Краковѣ.

Медаль, выбитая по случаю 500-лѣтія краковскаго университета.

— Ты находишь? — улыбаясь спросилъ онъ.

— А ты считаешь се легкой?

— Конечно.

— Хотѣлъ-бы я посмотреть, какъ ты се доказываешь!

Эти слова у меня вырвались невольно: я терпѣть не могу хвастуновъ.

— Сейчасъ — отвѣтилъ смѣлымъ мальчикъ. Сказано — сдѣлано. Онъ взялъ листокъ бумаги и карандашъ и быстро начертилъ кабалистическую фигуру.

— Теперь намъ предстоитъ выбрать способъ доказательства. Тебѣ все равно, какой?

— Да, — машинально отвѣтилъ я. Дѣйствительно, мнѣ это было безразлично. Будь хоть сто способовъ, я былъ увѣренъ, что не пойму ни одного.

— Ну такъ возьмемъ самый распространенный, — продолжалъ мой математикъ.

При этомъ онъ сталъ продолжать и соединять линіи, какъ меня училъ блаженной памяти профессоръ Ровени двадцать семь лѣтъ тому назадъ, и тономъ искренняго убѣжденія приписал доказывать мнѣ равенство такихъ-то и такихъ-то величинъ.

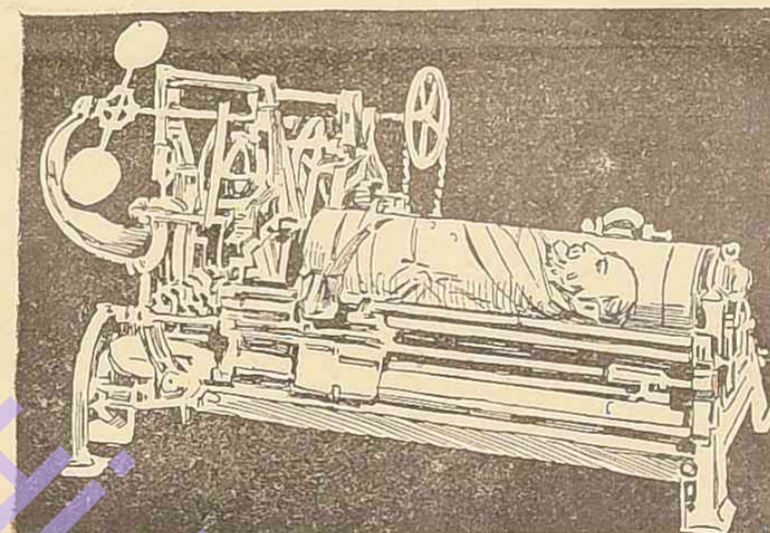
— А теперь, — сказалъ мой сынъ, окончивъ свою длинную рѣчь, — теперь мы можемъ прийти къ тому же заключенію другимъ путемъ.

— Ради Бога! — въ ужасѣ воскликнулъ я. Въѣвъ, мы уже пришли, такъ отдохнемъ съ дороги.

— Да я вовсе не усталъ!

Даже не усталъ! Неужели этотъ мальчикъ — будущій Ньютонъ! А еще говорятъ о какихъ-то законахъ насъ лѣтственности!

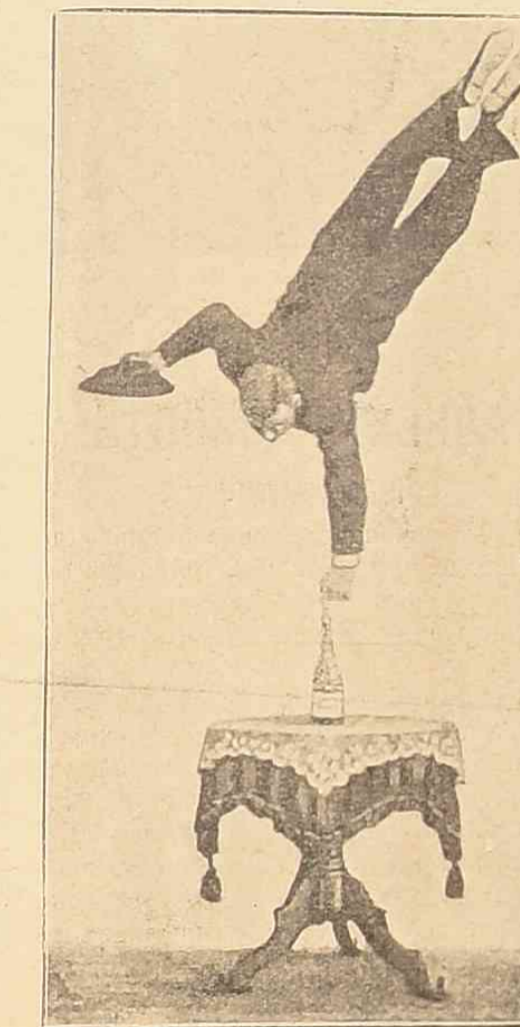
— Должно быть, ты по математикѣ будешь первымъ ученикомъ? — сказалъ я, проникаясь благоговѣющимъ уваженіемъ къ нему.

Аппаратъ для передачи портрета по телеграфу.

Передача фотографическаго портрета по телеграфу.

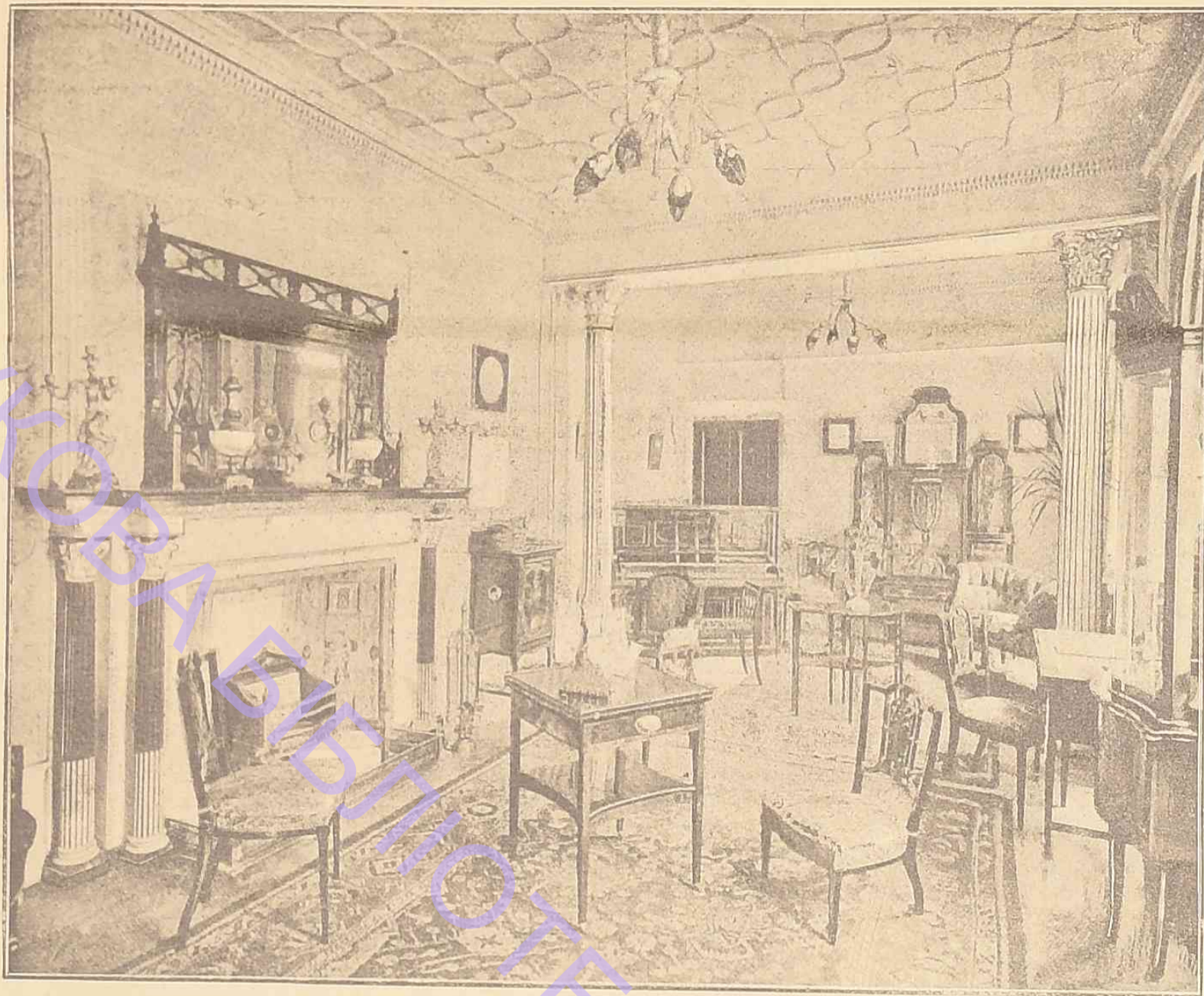

Человѣкъ съ желѣзнымъ пальцемъ.

съ нею никогда не будемъ въ ладахъ, но я смотрю на нее, какъ на друга дома, съ которымъ не позволимъ себѣ грубости, хотя бы онъ даже былъ тебѣ лично антипатиченъ.

Любопытный амуръ.

Гостинная въ новомъ сецессионистскомъ стилѣ.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ

Райскія птицы.

Впервые европейцы познакомились съ райскими птицами въ 1522 году, когда спутникъ извѣстнаго португальскаго мореплавателя Магеллана Пигафетта, привезъ въ Севилью нѣсколько чучелъ этихъ птицъ. Онъ были препарированы туземцами, которые отрѣзали у нихъ ноги и крылья, для того чтобы болѣе выдѣлнить ихъ великолѣпныя перья. Драгоценныя чучела эти возбудили громаднѣйшій интересъ среди естествоиспытателей того времени; они старались объяснить себѣ отсутствіе крыльевъ и ногъ, и, несмотря на то, что Пигафетта разсказалъ, отчего это произошло, тѣмъ не менѣе возникли самыя невѣроятныя толкованія, которыя мы встрѣчаемъ во многихъ естественно-историческихъ сочиненіяхъ того времени. Джонъ фонъ-Линнотенъ пишетъ въ 1588 году объ этомъ „Avis paradiseus“. Никто не видалъ этихъ птицъ живыми, такъ какъ онѣ живутъ въ воздухѣ, обращенныя

всегда къ солнцу, и только умирая падаютъ на землю. Дѣло въ томъ, что у нихъ нѣтъ ни ногъ, ни крыльевъ, какъ мы видимъ по тѣмъ птицамъ, которыхъ привозятъ въ Индію и даже Голландію. Конрадъ Гесснеръ также сообщаетъ, что райскія птицы постоянно живутъ въ воздухѣ, гдѣ онѣ питаются небесною росой. Только нарѣдка онѣ въ продолженіе нѣсколькихъ мгновеній висятъ на деревьяхъ, прицѣпившись длинными хвостовыми перьями. Онѣ умираютъ только отъ старости и тогда падаютъ на землю. Лишней, великій естествоиспытатель 18 столѣтія, зналъ большую райскую птицу, которую онъ назвалъ для того, чтобы увѣковѣчить вымыслы Гесснера и др.,—Paradisea apoda (безногая райская птица), а также королевскою райскою птицею. Валласу первому удалось въ 1862 году привезти двѣ райскія птицы живыми въ Европу, а именно въ Лондонъ.

Имена первыхъ 20-ти городскихъ подписчиковъ и 10-ти иногороднихъ, приславшихъ вѣрное рѣшеніе задачъ, будутъ помѣщены въ слѣдующемъ воскресномъ приложеніи «Одесскихъ Новостей».

Рѣшеніе задачи треугольниковъ. «Не все коту маслиница, придетъ и пость».

Н	е	е	т
е	в	к	о
м	а	я	п
у	с	л	п
п	п	р	е
ц	а	п	д
ъ	п	с	т
т	п	о	ъ

Вѣрное рѣшеніе прислали: гг. Р. Солигорскій и А. Леонскій, В. Н. Гриць, Г. Г. Колесниченко, (Очаковъ).

Рѣшеніе ребуса № 26. „Одинъ медъ вѣдь съ коро-вам-и надѣ о вѣтъ.“

Одинъ медъ вѣдь скоро вамъ и надобѣтъ.

Вѣрное рѣшеніе прислали: гг. З. Цвѣтъ и В. Личманъ, Б. Н. Гриць, К. Г. Колесниченко (Очаковъ), Р. Гольденталь (Тирасполь), Л. Г. Гельфандъ (Тульчинъ), Надежда Тушинская (ст. Ивановка юго-зап. ж. д.)

Моды.
Ребусъ № 27.

Шкапъ въ сецессионистскомъ стилѣ

